

Он и сам не понимал, зачем вернулся. Но стоило увидеть, что этот странный человек цел и невредим, как гнетущая тревога в груди мгновенно улеглась.

Малыш Сукуна отряхнул ладони от сажу. Высокомерно вскинув голову, он холодно посмотрел на Харе:

— Жаль. А я надеялся, ты сдох.

Короткие фразы давались мальчику легче всего. В сочетании с его необычным, пугающим лицом эти слова действительно звучали так, словно он искренне желал чужой смерти.

Обычный человек решил бы, что этот паршивец испорчен до глубины души. Однако Харе слишком хорошо его знал — и этого маленького волчонка, и того грозного монстра, которым тот станет в будущем.

Он молча подошел ближе. Заметив, как напряглось худое тело ребенка, Харе тихо усмехнулся и опустился перед ним на корточки. Он протянул руку и слегка уцепил мальчика за щеку — одно из немногих мест на его лице, где еще оставалась младенческая припухлость.

— Вот как? А сам ведь так спешил меня найти, что испачкался как дворовый котенок.

— Это потому... потому что ты кажешься вкусным! — огрызнулся Сукуна, обнажив клыки, и яростно хлопнул его по руке. Но тут же осекся, уставившись на Харе: — Ты... видишь?

"Неужели притворялся слепым, чтобы просто поиздеваться надо мной?"

Этот вопрос мгновенно разжег подозрения в разуме ребенка, привыкшего повсюду искать подвох.

Харе слегка подул на покрасневшую тыльную сторону ладони и притворно вздохнул:

— Ах ты, мелкий паршивец. Я не вижу ничего, в чем нет проклятой энергии. Просто угадал.

Унаследовав благородную красоту своих родителей, Харе всегда выглядел безупречно — настоящий молодой господин из знатного рода. Но теперь, лишившись глаз и растратив почти все силы, он поседел, а кожа его стала бледной, почти прозрачной. Любой след на ней теперь казался неестественно ярким.

В глазах Малыша Сукуны этот бледный человек словно излучал мягкое сияние. Он казался чем-то призрачным, зыбким, нереальным.

Прежде мальчику чудилось, будто этот незнакомец — лишь плод его собственного воображения, затянувшийся сладкий сон. Ведь сколько он себя помнил, все вокруг клеймили его чудовищем. Его называли предвестником бедствий, проклинали и желали ему смерти. Даже собственная мать верила, что яд и очищающий огонь станут для него лучшим избавлением от вечных мук.

Все его боялись и презирали. А этот человек, взглянув на его уродство, не выказал ни капли отвращения. Напротив, он укутал его в свою одежду, омыл его раны...

Это походило на ложь. Сукуна не верил, что в мире могут существовать подобные люди, и все же, ведомый непонятным порывом, бросился обратно на его поиски. Теперь, глядя на покрасневшую от его собственного удара кожу на руке Харе, он наконец осознал: этот человек настоящий.

Мальчик насупился и не удержался от вопроса:

— Кто ты такой на самом деле?

— Я же говорил. Я твой будущий хозяин, — Харе улыбнулся и достал из-за пазухи сверток, завернутый в широкий лист лотоса. Раскрыв его, он протянул мальчику угощение: — А теперь твой хозяин собирается тебя покормить. Смотри, горячая, ароматная жареная курица. И совершенно без яда. Будешь?

Сукуна промолчал.

Он перевел взгляд с исходящей паром птицы на улыбающееся лицо Харе, затем отвернулся и неохотно буркнул:

— Буду...

"Надо же, Сукуна, оказывается, и ты бываешь таким забавным..."

Харе тепло улыбнулся, почувствовав, как тает лед на сердце.

— Тогда сначала вымой руки.

Хотя дом несчастных крестьян выгорел дотла, колодец во дворе уцелел. Харе помог мальчику умыться, они устроились неподалеку и принялись за еду. Закончив с трапезой, Харе достал купленные по дороге снадобья и начал обрабатывать раны ребенка.

Мальчик переносил жгучую боль молча, даже не поморщившись. Он не вздрогнул ни разу, словно давно привык к постоянным страданиям.

Закрепив последний виток чистой ткани, Харе ласково потрепал жесткие, взъерошенные волосы мальчишки.

— Обратная проклятая техника, — тихо произнес он. — В будущем ты в совершенстве овладеешь ею. И тогда никакие раны тебе будут не страшны.

Незнакомец говорил странные вещи — так, словно действительно знал его взрослым. Сукуна сердито мотнул головой, уворачиваясь от чужой ладони, но слова Харе не вызвали у него злости. Напротив, мысль о том, что в будущем он станет непобедимым, грела ему душу.

В последующие дни Сукуна привел Харе к заброшенной лачуге на окраине, где они и обосновались. Мальчик походил на сорную траву, пробивающуюся сквозь сухие скалы: стоило проявить к нему хоть немного заботы, как он принялся расти с невероятной скоростью.

Его увечья затягивались прямо на глазах, истощенное тело постепенно крепло и наливалось силой. Любые приемы и знания он схватывал буквально на лету. Неизменным оставался лишь его взгляд — такой же дикий, свирепый и полный затаенной угрозы.

Набравшись сил, Сукуна стал еще более своевольным. Он то и дело совершал внезапные набеги на своего спасителя, изыскивая любую возможность прикончить его.

В его представлении Харе был непреодолимой вершиной. Сукуна верил: если ему удастся одолеть этого человека, он поднимется на новую, недостижимую ступень силы.

Харе же только качал головой, досадуя на неумного мальчишку. Тот умудрялся нападать на него даже во время купания, что изрядно действовало на нервы.

Но еще больше раздражало другое: даже когда они никого не трогали, в их глушь постоянно наведывались бродячие заклинатели, жаждущие изгнать «проклятое отродье». Спустя какое-то время обычный отдых на траве под теплыми лучами солнца превратился для Харе в непозволительную роскошь. Земля вокруг лачуги была усеяна прахом убитых магов и поверженных проклятий, отчего даже воздух казался пропитанным удушливой гарью.

В конце концов им пришлось сменить убежище. Устроившись на душистом стогу сена, Харе размышлял о том, что его время здесь на исходе.

— Мне пора уходить, — негромко произнес он, глядя в пустоту перед собой.

Притаившийся рядом маленький проклинатель никак не отреагировал на его слова.

Харе слегка повернул голову. Сукуна сидел на сене, скрестив ноги, и задумчиво созерцал ночное небо. Его лицо оставалось бесстрастным и холодным, как и всегда.

И все же в этом крошечном силуэте сквозило щемящее одиночество.

"Неужели даже Сукуна способен чувствовать тоску?"

Этот вопрос заставил Харе замереть.

В его памяти Сукуна всегда оставался беспощадным тираном, не знающим жалости и презирающим любые законы. Казалось, ему неведомы человеческие чувства. Однако тогда, в Хэйан-кё, этот грозный монстр осторожно сжимал его в объятиях и тихо шептал о своем одиночестве.

Сукуна молчал, но на душе у Харе внезапно стало невыносимо тяжело.

Это Харе попросил его подняться сюда, чтобы посмотреть на звезды. И пускай сам он ничего не видел, мальчик не стал спорить. Он просто тихо сидел рядом, изредка указывая на небо и рассказывая, на какие диковинные узоры похожи созвездия. Непривычная покорность ребенка говорила лишь об одном: он тоже чувствовал скорую разлуку.

— Ты ведь и сам понимаешь, что я пришелец из другого времени, — негромко нарушил тишину Харе.

Сукуна опустил голову и искоса зыркнул на него своими пугающими глазами:

— Зачем тогда ты пришел сюда?

— Потому что... — Харе замялся, не зная, как объяснить. Он поудобнее устроился на сене, закинув руки за голову, и тяжело вздохнул: — Потому что я был слишком самонадеян.

— Я бросился в прошлое очертя голову, ничего толком не разузнав. А когда оказался там, реальность разбила мои иллюзии. Те, кого я встретил, были совсем не теми людьми, которых я знал прежде. Вдобавок я умудрился спутать карты самому себе из другого мира.

— Себе из другого мира? — Сукуна недовольно нахмурился, не понимая, о чем речь.

Харе криво усмехнулся и указал на себя:

— Мой двойник. Тот, кто выглядит точь-в-точь как я, но является лишь осколком моей души.

Несколько ночей назад он видел сон. В том сновидении перед ним предстал он сам в юности — черноволосый, синеглазый, пылкий и полный надежд юноша. Он бесстрашно шагнул в бездну времени. Но с каждым витком его волосы становились все длиннее и белее, тело усыхало, а

былая мощь безвозвратно таяла...

Возможно, это был вовсе не сон, а отголоски его собственного прошлого.

— Он попытался вернуться в родной мир гораздо раньше меня. Но его постигла та же участь. Судьбу оказалось невозможно переписать, и он увяз в бесконечном круговороте времени. Миры начали распадаться, а ему пришлось раз за разом наблюдать гибель своих родителей. Семьдесят, восемьдесят раз... Одно и то же кошмарное зрелище.

Все эти ужасы Харе почерпнул из чужих воспоминаний, когда соприкоснулся душой со своим двойником.

— Тот Харе уже давно лишился рассудка, — прошептал он. — Чтобы разорвать этот проклятый круг, он решил уничтожить все параллельные миры до единого. Но его собственные часы уже сочтены.

— И потому ты уходишь, — внимательно выслушав его, подытожил Сукуна. Мальчик обладал недетской проникательностью. — Но что ты сделаешь, когда найдешь его? Попытаешься остановить или поможешь закончить начатое?

Именно этот вопрос не давал Харе покоя все последние дни.

Боль, которую испытывал его двойник, была во сто крат сильнее его собственной.

Харе вдруг ощутил непреодолимое желание выговориться. Он опустил руки и слегка наклонил голову, прислонившись виском к колену сидящего рядом мальчика.

— Мои родители были великими людьми. Невероятно сильными. Они ушли из жизни, когда я был совсем крохой, и правду о них я узнал гораздо позже. Знаешь, о чем я подумал тогда?

— Мне это показалось злой шуткой. Я никак не мог взять в толк, почему такие прекрасные, благородные люди должны были погибнуть. Ответ пришел лишь тогда, когда я увидел их собственными глазами...

Тогда Харе понял: Мама Гето был слишком праведным. Он свято верил в свой долг защищать слабых и был обделен эгоизмом. Эта безграничная доброта и предопределила его трагический путь.

А Папа Годжо... Он с самого рождения не знал, что такое настоящая свобода. Обладая могуществом, способным сокрушить любые преграды и подарить ему независимость, он ни разу не воспользовался им ради себя.

Все вокруг твердили о его невыносимом, капризном нраве. Но для Харе его отец оставался самым сдержанным человеком на свете. Они оба с мамой были сотканы из нежности и тепла.

Они добровольно взвалили на свои плечи бремя великого долга и будущее всего мира магии. И эта ноша в конечном счете раздавила их.

— Но те, кто наделен мягким сердцем, острее чувствуют чужие страдания, — негромко добавил он.

Голос Харе слегка дрогнул, в нем послышались слезы. Малыш Сукуна не умел сопереживать и не знал, как утешают людей, а потому просто молча сидел рядом, позволяя ему высказаться.

— Так или иначе, я должен отыскать своего двойника. — В момент их расставания Харе успел почувствовать, в какой именно мир тот утащил Кэндзяку. — А что делать дальше... решу на месте.

Высказав все, что накопилось, он ощутил, как с души спал тяжелый камень. Харе слабо улыбнулся собственным мыслям: делиться сокровенным с маленьким ребенком казалось глупой затеей.

— Но запомни: в будущем ты приложишь руку к гибели моего отца. А потому я приговариваю тебя к пожизненному заключению в качестве моего домашнего любимца. Будешь слушаться меня во всем! — в шуточной манере погрозил он пальцем.

Услышав это, мальчик замер, явно ошеломленный тем, что его будущая копия окажется виновной в столь страшном грехе.

Харе сладко потянулся, собираясь сменить тему, как вдруг в рот ему силой запихнули круглую ягоду. От неожиданности он прикусил ее, и язык тут же обожгло кисло-сладким соком.

— Вишня? — удивленно выдохнул он.

Сукуна с самым невозмутимым видом кивнул:

— Набрал сегодня днем. Она сладкая.

Говорил он коротко и веско, выказывая не по годам суровую серьезность.

— Ха, признайся, ты ведь специально приберег ее для меня?

Маленький упрямец тут же насупился:

— Нет.

И без лишних слов запихнул в рот Харе еще одну ягоду. Тот, забавляясь его напускной суровостью, попытался продолжить:

— А я говорю, специально...

Но договорить ему не дали — в рот скользнула третья вишня. С набитым ртом Харе все равно упрямо мычал:

— Специально же...

Потеряв терпение, Сукуна молча выгреб из кармана целую пригоршню спелых ягод и высыпал их Харе на грудь, тем самым грубо прерывая спор.

Спрыгнув со стога сена, он помедлил секунду и глухо произнес:

— Я не знаю, что произойдет в будущем. И за твоего отца... прости меня. Но запомни: даже когда я вырасту, я никогда не стану твоей ручной зверушкой.

С этими словами мальчик стремительно скрылся в темноте. Ошеломленный Харе еще долго сидел неподвижно, прежде чем выплюнул вишневые косточки и тихо рассмеялся.

"Почему же и взрослый, и маленький Сукуна упрямы до невозможности?.."

"Наверное, он больше не вернется сегодня. Как же хочется спать... Вздремну немного перед долгой дорогой..."

Харе поудобнее устроился на сухом сене, чувствуя, как приятная усталость сковывает тело.

Харе вытянулся на мягком сене и закрыл глаза, погружаясь в дремоту. Но не успел он окончательно уснуть, как сухая трава рядом едва слышно зашуршала. Кто-то тихо опустился рядом, и прохладные детские ладони мягко легли на его веки.

Вдруг пустые глазницы обожгло нестерпимым жаром. Плоть внутри них зашевелилась, стремительно восстанавливаясь. Спустя мучительно долгое время до слуха Харе донесся треск костра, а сквозь сомкнутые веки пробилось теплое оранжевое сияние.

Маленькие ладошки скользнули вниз, бережно утирая влагу с его щек. Сукуна негромко пробормотал своим хриплым голосом:

— Хватит плакать. Я ведь уже извинился...

Только тогда Харе понял, что его лицо мокро от слез. Горло сдавило судорогой, лишая возможности вымолвить хоть слово.

— Твою Обратную проклятую технику... я освоил, — тихо добавил Сукуна.

Каждый раз, глядя на шрамы и закрытые глаза этого человека, он отчаянно желал вернуть ему зрение. И ради этого тренировался до изнеможения.

Мальчик намеренно калечил собственное тело, снова и снова заставляя проклятую энергию течь вспять ради исцеления ран. И сейчас он мысленно благодарил судьбу за то, что успел до того, как его странный гость покинет этот мир.

— Не хочешь взглянуть на меня? — тихо спросил ребенок.

Сукуна боялся, что Харе запомнит его лишь как смутный, светящийся силуэт. Он страшился мысли, что при следующей встрече тот просто пройдет мимо, не узнав его лица.

— Или ты по-прежнему хочешь сбежать от реальности?

Грудь Харе сдавило от нахлынувших чувств. Он сознательно отказывался исцелять свои глаза, потому что до смерти боялся вновь увидеть гибель родителей — пускай даже иллюзорную, навязанную жестоким прошлым.

Но этот суровый мальчишка попал в самую точку. Решение ведь уже было принято...

Харе бесшумно соскользнул со стога сена и сделал несколько шагов вперед. Прикусив палец до крови, он принялся выводить на земле контуры сложного магического круга.

Когда последний символ был начертан, он медленно обернулся и открыл глаза.

<http://bllate.org/book/19043/2005254>